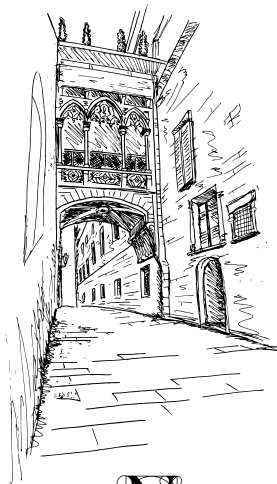

МАНУЭЛЬ ВАСКЕС
МОНТАЛЬБАН

ЮЖНЫЕ
МОРЯ
ГРЕЧЕСКИЙ
ЛАБИРИНТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
В19

Серия «Чай, кофе и убийства»

Manuel Vázquez Montalbán
LOS MARES DEL SUR
EL LABERINTO GRIEGO

Перевод с испанского Д.Р. Сухих («Южные моря»),
О.А. Светлаковой («Греческий лабиринт»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения А.М.Д. Comunicació, S.A.
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Васкес Монтальбан, Мануэль.

В19 Южные моря. Греческий лабиринт : [романы] / Мануэль Васкес Монтальбан; [пер. с исп. Д.Р. Сухих, О.А. Светлаковой]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-090952-0

Южные моря.

Убийство миллионера повергло родственников в шок. Тело жертвы найдено на рабочей окраине Барселоны. Как же так? Ведь два года назад эксцентричный богач, вдохновленный примером Поля Гогена, отправился набираться впечатлений на острова Южных морей!

Где же тогда он провел эти два года на самом деле? Почему не давал о себе знать? И, кстати, уж не потому ли его убили, что он впутался в какую-то грязную историю?..

Греческий лабиринт.

Казалось бы, романтическая история — прелестная французенка Клэр хочет найти своего возлюбленного, молодого греческого художника Алекоса, который в один несчастный день будто расстворился в лабиринте старинных улочек Барселоны.

Однако не зря предупреждали древние маги, что в лабиринтах все — не то, чем кажется на первый взгляд.

В истории Клэр правда столь причудливо переплетается с ложью, что вскоре Карвалье становится ясно: верить ей можно лишь в одном — она действительно готова на все, чтобы найти Алекоса. Но почему? И, главное, зачем?..

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

© MANUEL VÁZQUEZ MONTALBÁN,
and Heirs of MANUEL VÁZQUEZ MONTALBÁN, 1979, 1991
© Перевод. Д.Р. Сухих, 2015
© Перевод. О.А. Светлакова, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Южные
моря

Больше никто не отвезет меня на юг.

Сальваторе Квазимодо

— Пошли. — Давай еще подрыгаемся?

— Потом. Есть другое дело.

Лоли улыбнулась, надула толстые щеки и сдула в сторону челку — такую же, как у звезды 1970-х Оливии Ньютон-Джон.

— Тебе что, жарко?

— Еще бы. Я вся просто горю. Пощупай меня, красавчик.

Боканегра широко расставил кривые ноги. Космический купол помещения мерцал у него над головой. Подернув штаны, он на ватных ногах побрел к бару, где волшебники-официанты обслуживали посетителей практически на ощупь. При ближайшем рассмотрении неясные тени у бара превратились в очертания людей, словно в полусне обнимавшихся и целовавшихся взапас. Боканегра ткнул кулаком одну из этих фигур.

— Пошли, Телок! Мы с твоей сестрой уходим.

— Отстань. Не видишь, я занят!

Веснушка тоже возмутилась несвоевременным появлением Боканегры и что-то промычала, с трудом ворочая натертым поцелуями языком.

— Ладно, не хотите кататься на машине — как хотите.

— Кататься?! Опять?! Я не хочу кататься. Я хочу спокойно отдохнуть.

— У меня на примете шикарный синий «Ситроен ZX»...

— Ну да? Настоящий «ZX»?!

— О «Ситроен ZX»... — простонала Веснушка, мечтательно уставившись в радужную даль ничего не видящими глазами.

— С настоящим телефоном. Не машина, а апартаменты на колесах. Мы будем трахаться в ней вчетвером, пока она не развалится.

— Класс! — оживился Телок. — Я скажу прямо из машины по телефону: «Я трахаюсь в “Ситроене”, вот!»

— Выходите с Лоли и ждите меня на углу бумажной фабрики.

Пока Боканегра шел под вспышки цветомузыки через танцпол, он словно заряжался энергией. Его черные курчавые волосы встали дыбом, и казалось, что у них на концах засверкали искорки электрических разрядов.

— А ты все здесь торчишь, — сказал он швейцару. — Как почтовый ящик.

— Встань и постой на моем месте, бездельник, а я пойду дрыгаться вместо тебя.

— Не учи меня жить.

Под покровом темноты, вдали от яркого света вывесок дискотеки, Боканегра почувствовал себя увереннее. Фомка в кармане штанов приятно щекотала ему причинное место. Мечтательно погладив свое хозяйство через карман пальцем, Боканегра вытащил руку из кармана и деловито пощупал его снаружи с таким видом, словно хотел убедиться в том, что все на месте и пока не скукожилось. С непринужденным видом Боканегра подошел к «Ситроену», поддел дверцу фомкой и нажал. Дверца открылась с многообещающим щелчком, как дверца сейфа. В машине явственно пахло деньгами и дорогими женщинами. У Боканегры потекли

слюнки. Ого! Гаванские сигары! Фляжка с виски! Боканегра поднял капот, точными, почти нежными движениями замкнул провода, закрыл капот, вальяжно сел в машину со значительным видом ее полноправного владельца, хлебнул виски из фляжки, закурил сигару, плавно тронулся с места, нажал на газ и резко повернул руль так, что завизжали покрышки, когда «Ситроен» свернул на ближайшую улицу. По туннелю среди старых кирпичных домов и припаркованных автомобилей он доехал до угла, где его поджидали Лоли, Телок и Веснушка. Лоли нырнула на переднее сиденье, остальные — на заднее. Три дверцы захлопнулись в унисон, как части хорошо отлаженного механизма.

— Ты дурак, Боканегра! Это опасно! Нам это не нравится.

— Ну и что, что вам не нравится? Я же все сделал без вас!

— Да уж! — хихикнула с заднего сиденья Веснушка.

— А что ты запоешь, когда тебя посадят?

— Там видно будет.

— Вот это машина! Жесть! Куда мы едем?

— Трахаться в Вальвидреру*.

— Мне больше нравится трахаться на кровати.

— Секс на природе меня отцепляет, — заявил Боканегра и свободной рукой ухватил Лоли за большую тугую сиську.

— Только не надо ехать через Сан-Андрес**. Там полно полиции.

— Не дергайся! Главное — не дергаться, и они не обратят на нас внимания. Держитесь так, словно всю жизнь ездите на этой машине.

* Вальвидрера — зажиточный квартал на западной окраине Барселоны.

** Сан-Андрес — район Барселоны на северной окраине города.

— Что ты куришь, Боканегра? Тебе плохо не будет от этих вонючих сигар?

— Плохо? Потрогай лучше это! — с этими словами Боканегра взял Лоли за руку и положил ее ладонь на свой набухший член.

— Свинья!

Лоли отдернула руку так, словно коснулась лягушки, но улыбнулась. Телок напряженно подался вперед.

— Только не надо в центр. Там полно полиции.

— Не дергайся!

— А никто и не дергается.

— Телок прав, — вмешалась было Веснушка, но Боканегра уже проехал бульвар и выехал на площадь перед муниципалитетом Сан-Адреса.

— Ты что!.. — взвизгнул Телок, но Боканегра только усмехнулся.

— Заткнись! Все будет нормально.

— Ой! Вон они! — Лоли увидела полицейскую машину на углу муниципалитета.

— Тихо!

С непринужденным видом Боканегра проехал рядом с полицейской машиной. Голова в надетой набекрень фуражке повернулась, и из темноты выплыло лицо, желтое в свете уличного фонаря, покачивавшегося над предвыборным плакатом «В мэрию вместе с нами!» Брови под полицейской фуражкой удивленно поднялись. Сверкнули маленькие недобрые глазки.

— Он на тебя посмотрел!

— Ну и что? Они на всех так пялятся. Нацепят фуражку и думают, что самые крутые.

— Они едут за нами! — взглянув назад, взвизгнула Веснушка.

Боканегра впился левым глазом в боковое зеркало и увидел желтые фары и проблесковый маячок патрульной машины.

— Я тебе говорил, козел, что ты козел и долбаный выпендрейник!

— Заткнись, Телок, а то получишь по морде! Нас не догонят!

Лоли взвизгнула и вцепилась Боканегре в руку, но, получив локтем в бок, отшатнулась к дверце, скорчилась и зарыдала.

— Теперь этот придурок устроит гонки! Стой, козел! Стой! Они же будут стрелять!

Теперь патрульная машина не только сверкала огнями. Завыла полицейская сирена, «Ситроену» было приказано остановиться.

— Сейчас я от них оторвусь!

Боканегра нажал на газ. Улица внезапно словно раздалась и с угрожающей скоростью ринулась навстречу «Ситроену». Поворачивая на следующую улицу, Боканегра попытался объехать безобразно припаркованную желтенькую машинку, наполовину загораживавшую въезд на улицу слева, но оказался перед вереницей машин, стоявших на этой улице справа. Между ними и желтенькой машинкой почти не было места. «Ситроен» куда-то врезался, и Лоли швырнуло лицом на торпеду. Боканегра дал задний ход, с грохотом врезавшись во что-то сзади, но он слышал только приближавшуюся сирену. Когда он, наконец, умудрился объехать проклятую желтенькую машинку, у него так тряслись руки, что он больше не мог ехать ровно, и «Ситроен» начал ударяться о другие машины справа и слева. Наконец, у «Ситроена» заклинило руль, и он окончательно остановился. Телок и Веснушка сразу выскочили из машины.

— Ни с места! Буду стрелять!

Послышались шаги полицейских. Лоли застыла на сиденье. Лицо и рот у нее были в крови, и она рыдала навзрыд. Боканегра вылез из «Ситроена» с поднятыми руками, и его тут же схватил за воротник полицейский.

— Руки на капот, щенок! Сейчас тебе мало не покажется!

Пока его обыскивали, Боканегра немного пришел в себя. В нескольких метрах от него обыскивали Телка, а другой полицейский рылся в сумочке у Веснушки.

— Она ранена. Ей нужна помощь, — процедил сквозь зубы Боканегра, кивнув на вылезшую из «Ситроена» Лоли. По ее лицу текли слезы и кровь. У нее так тряслись колени, что она чуть не упала под колеса полицейской машины.

Это зрелище не оставило равнодушным даже полицейского, и он на секунду отпустил воротник Боканегры, который изо всех сил отпихнул его и что было мочи бросился наутек. Полицейские разразились бранью, зашвистели и бросились за ним. Боканегра бежал уже по третьей улице, но все еще слышал топот их ботинок в ночной темноте у себя за спиной. Обжигающий сырой воздух с хрипом вырывался из легких, но нигде не попадалось укромного уголка, куда бы можно было юркнуть. Внезапно Боканегра выскочил на главную улицу Сан-Андреса и, ослепленный предательски ярким светом, чуть не споткнулся. Всего в нескольких метрах от него у ворот казармы стоял смотревший на него разинув рот часовой. Боканегра бросился через освещенную улицу в сторону высоких заборов, маячивших за кварталом Тринидад. Он совсем выбился из сил. У него тряслись поджилки. Он с трудом переводил дух. Внезапно перед Боканегрой вырос выгоревший на солнце и посеревший от дождей деревянный забор. В заборе были ворота. Подпрыгнув, Боканегра вцепился в их верхний край и попробовал подтянуться, но настолько устал, что сорвался и плюхнулся перед воротами на четвереньки. Собравшись с последними силами, Боканегра отпрыгнул назад, разбежался, подпрыгнул, и между жалобно заскрипевшими воротами и остервенело карабкавшимся на них

Боканегрой завязалась ожесточенная схватка. Вот Боканегра уже на вершине и оседлал ворота, тут же очень больно впившиеся ему в промежность. Не в силах даже заорать от боли, Боканегра рухнул в темноту за воротами на липкую глину и куда-то покатился по невидимым камням. Когда он с трудом пришел в себя и его глаза привыкли к темноте, Боканегра поднялся на колени и увидел, что свалился внутрь фундамента недостроенного дома. Его ушибленное камнями тело стало болеть, заныли безжалостно растянутые мышцы. Обливаясь от измождения холодным потом, Боканегра стал затравленно озираться по сторонам, прикидывая, куда бы забиться так, чтобы его не нашли полицейские, если им придет в голову обыскивать эту стройку. Тогда-то Боканегра его и увидел. Он лежал с открытыми глазами на битом кирпиче, раскинув мертвенно-бледные руки, и смотрел на Боканегру.

— Вот зараза! — всхлипнул Боканегра и осторожно приблизился к трупу. Тот больше не смотрел на него. Теперь труп с маниакальным упорством сверлил взглядом мертвых глаз старые ворота так, словно они были последней надеждой, за которую он цеплялся перед смертью. За воротами завизжали тормоза. Кто-то засвистел в свисток. Погоня настигала Боканегру. Теперь и он не мог оторвать глаз от ворот. За воротами началась возня, и они податливо заскрипели. У Боканегры из глаз потекли слезы, и он тоненько захныкал. Нащупав кучу кирпичей, он примостился на ней и стал ждать неизбежного.

— Свинья ты! — пробормотал он, обращаясь к покойнику. — Теперь мне крышка. Нашел где сдохнуть. Тебя мне здесь только и не хватало...

— Частные детективы — что твой термометр, Бискутер. Спроси, как у них дела, и они раскроют тебе глаза на градус морали в обществе. А наше общество пало очень низко, Бискутер. Люди больше ни во что не верят.

— Совершенно верно, патрон!

Бискутер соглашался с Пепе Карвальо не только потому, что с пьяными лучше не спорить, но и потому, что сам никогда не страдал оптимизмом.

— Мы три месяца сидим без дела. Где мужья, от которых сбежали жены? Где отцы сбежавших дочерей? Где хотя бы рогиносцы, жаждущие доказательств того, что жены им изменяют?! Я спрашиваю тебя — где? Или жены больше не изменяют мужьям, а дочери примерно сидят по домам, а Бискутер? Вот уж дудки! Изменяют как миленькие. И сбегают. Просто теперьшним мужьям и отцам это по барабану. Они утратили основополагающие моральные ценности. Вот тебе и демократия...

— Демократия мне по барабану, патрон.

Впрочем, Карвальо разговаривал отнюдь не с Бискутером. Он обращался к зеленым стенам своего кабинета или к кому-то невидимому, сидевшему по ту сторону лакированного письменного стола, изготовленного в 1940-х годах и потемневшего за тридцать лет словно от полумрака, вечно царившего в конторе частного детектива на барселонских бульварах Рамбла. Карвальо осушил еще одну рюмку ледяного орухо* и вздрогнул от холодка, пробежавшего по спине. Стоило ему поставить рюмку на стол, как Бискутер тут же ее наполнил.

— Хватит, Бискутер. Я лучше пойду прогуляюсь.

На лестничной площадке Карвальо услышал все звуки и учуял все запахи большого дома. В школе танцев стучали каблуками и щелкали кастаньетами, старый скульптор с упорством дятла долбил мрамор, кисло пахло помоями, постепенно скопившимися за тридцать лет в разных уголках дома, а также выцветшим лаком, клейстером и пылью, осевшей на рамах и ромбовидных ма-

* Орухо — крепкий алкогольный напиток из сброженных остатков винограда, традиционный для областей северо-запада Испании.

товых светильниках, паривших над лестничным колодецем. Под живительным действием алкоголя Карвальо запрыгал вниз по лестнице через две ступеньки и с превеликим удовольствием вдохнул полной грудью воздух бульваров Рамбла, хотя весной этот мартовский вечер и не пах. Было холодно и пасмурно. Однако прогулка и свежий воздух все равно должны были пойти на пользу затуманенному алкоголем мозгу Карвальо и его отравленной им печени.

В сберегательной кассе у него был срочный вклад в размере одного миллиона двухсот тысяч песет, приносивший ему пятипроцентный доход. Этого явно не хватало для того, чтобы скопить к пятидесяти или пятидесяти пяти годам достаточно денег, чтобы жить на проценты. «Это все кризис, — разъяснил себе ситуацию еще не до конца протрезвевший Карвальо. — Кризис общественных ценностей». Он читал в газетах, что у юристов по вопросам трудового права тоже кризис, потому что рабочие теперь чуть что обращаются в профсоюзы. Бедные юристы тоже пали жертвами демократии. Врачи и нотариусы — тоже. Теперь им нужно платить налоги, и они уже скучают по фашизму, при котором можно мечтать о демократии и не платить налоги.

«Частные детективы — своего рода старьевщики. Мы ищем в мусоре то, что еще не совсем мусор. Или то, что при ближайшем рассмотрении оказывается совсем не мусором», — произнес Карвальо, но его никто не слушал. Закапал дождь, и он поспешил на калье Фернандо под аркаду, куда выходят витрины магазина «Беристайн». Вместе с ним под аркадой спрятались от дождя три уличные проститутки, оживленно обсуждавшие рецепты приготовления супов из пакетов. Из магазина вышли маленький мальчик с папой. Мальчик тащил огромную хоккейную клюшку.

— Она точно тебе подойдет? — в очередной раз спрашивал сына папа.

— Да! Да! Да! — отвечал мальчик, утомленный родительской тупостью.

Покинув свое убежище, Карвальо отправился было в небольшой гастроном, где обычно покупал сыры и колбасы, но остановился, услышав, как скулят щенки, возившиеся на соломе в витрине зоомагазина, и поднес через стекло палец к самому носу любопытного щенка немецкой овчарки, которого кусали за задние лапы два маленьких спаниельчика. Потом Карвальо прижал к стеклу всю ладонь, словно желая погладить щенка или согреть его. Щенок принялся лизать ему руку через стекло. Карвальо резко отнял от стекла руку и быстро дошел до гастрономчика.

— Пожалуйста, как всегда.

— Нам привезли жареное свиное филе с оливковым маслом в стеклянных банках и каталонские колбаски с приправами.

— Хорошо. Дайте две.

Продавец сложил продукты в пакет движениями хорошо отлаженного механизма.

— Теперь хамон из Саламанки уже не тот...

— Теперь хамоном из Саламанки называют все подряд. Кроме хамона из Хабуго или хамона из Тревелеса, конечно. Весь остальной хамон якобы из Саламанки. Это возмутительно. Теперь вообще не знаешь, что кладешь в рот — хамон из Саламанки или хамон из Тотаны.

— Их все-таки можно отличить.

— Вы можете их отличить, потому что разбираетесь. А я видел, как хамон из Гранольерса выдавали за хамон из Хабуго. И что вы думаете — покупали!

Карвальо вышел из гастрономчика с пакетом, нагруженным мягким сыром «Торта дель Касар», полутвердым сыром «Кабралес» с голубой плесенью, твердым овечьим сыром «Идиасабаль», колбасками чорисо из Хабуго, хамоном из Саламанки на каждый день и маленьким кусочком лучшего в мире хамона из Хабуго на случай плохого настроения.

Теперь он проходил мимо зоомагазина в хорошем настроении. Хозяин магазина как раз его закрывал.

— Подождите! Мне бы щенка!

— Какого щенка?

— Который сидел в витрине.

— Там их было много.

— Овчарку.

— Это сука. Она сейчас внутри. Они все — внутри. Ночью они сидят в клетках, чтобы не разбили витрину. Без присмотра они обязательно напакосят. Просто так. Из вредности.

— Я хочу купить эту овчарку.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Восемь тысяч песет, — сказал хозяин магазина, не открывая двери.

— Для хорошей овчарки это не деньги.

— У этой суки нет родословной. Но она совершенно здорова. Сами увидите. И очень храбрая. Я знаю ее отца и мать. Это собаки мужа моей сестры.

— Мне плевать на родословную.

— Как прикажете.

Карвальо нес щенка под мышкой. В другой руке у него был пакет с сыром, колбасками, консервированным кормом для собак, резиновыми костями для чесания зубов, спреем от блох, дезинфицирующими средствами и щеткой, то есть всем, что нужно, чтобы осчастливить собаку и ее хозяина. Бискутер удивленно уставился на усевшегося на полу щенка с длинным высунутым языком и огромными, как антенны радиолокатора, ушами.

— Патрон, а может, это заяц? Он будет жить здесь, со мной?

— Нет, я возьму ее с собой в Вальвидреру. А то она тут все обгадит.

— Ну да... Кстати, вам звонили. Я записал номер в книжке.